

Анна Эвелина

Иногда мечты
становятся
реальностью

18+

Анна Эвелина

**Иногда мечты
становятся реальностью**

«Автор»

2026

Эвелина А.

Иногда мечты становятся реальностью / А. Эвелина — «Автор», 2026

- Знаешь, иногда так хочется изменить свою жизнь Когда находясь дома чувствуешь, что не смотря на все старания и усилия, всё катится не в том направлении. Так, находясь в браке, имея собственное жилье и работу, стала увлекаться любовными романами. Фантазёрка? Да. Ну кто же у нас без греха)Ах, да... Забыла представиться, меня зовут Эвелина. Замужем, детей нет. Почему нет? Потому что так и не решили их завести, ссылаясь на не стабильные ситуации и планы на будущее. И так, вернёмся, скрываясь от постоянной загруженности на работе и не дающих покоя соседей, мыслях о семье, которая не совсем подходила под представление счастья. Я стала читать романы, чтобы хоть как-то сбежать от реальности. Читая и переживая за истории главных героев, отключилась от своих проблем и переживаний. Периодически представляя как было бы хорошо, оказаться на месте главной героини и наконец получить семейное счастье в дали от многих бытовых и рабочих проблем. Так и началась моя история.

© Эвелина А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Добро пожаловать в сон	5
Глава 2. Ольза	8
Глава 3. Семя перемен	11
Глава 4. Сон ли это?	14
Глава 5. Тристан	17
Глава 6. Эвелина	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Иногда мечты становятся реальностью

Глава 1. Добро пожаловать в сон

Моя жизнь давно стала предсказуемой до зевоты. Муж — вечные командировки, редкие выходные дома, скупые объятия и почти автоматический поцелуй в щёку перед сном. Я же существовала в четырёх стенах, глушила стресс привычными способами и по вечерам сбегала в мир любовных романов. Они были моей тайной дверью, сквозь которую можно было выскользнуть из реальности — туда, где мужчины умеют любить, а жизнь полна красок.

В тот вечер всё было как обычно. Дочитала очередную историю про властного герцога и его строптивую невесту, зевнула, поставила телефон на зарядку и забралась под одеяло. Простыни предательски охладили кожу. Греть их снова предстояло в одиночестве. Я закрыла глаза, прокрутила в голове план на завтрашний рабочий день — и поняла, что сон не идёт.

Тогда я стала мечтать...

Если бы можно было выбрать любую фантазию, что бы я загадала? Вампиры — слишком мрачно.оборотни — чересчур агрессивно. А вот драконы в них было что-то настоящее. Сила, стать, скрытая нежность под бронёй. Я представила, как огромный крылатый мужчина смотрит на меня сверху вниз и говорит: «Ты — моя». От этой мысли по телу пробежало тепло, и я не заметила, как уснула.

Мне начал сниться сон...

Я распахнула глаза и поняла, что лежу в комнате, которой прежде никогда не видела. Это была не наша спальня со скучными бежевыми обоями. Это была декорация к лучшему роману в моей жизни. Огромная кровать, в которой легко поместились бы четверо, тонула в глубоком зелёном балдахине, расшитом серебряной нитью. Он мягко колыхался от сквозняка, идущего от окна. Окно — в пол, залитое солнечным светом. Стены цвета утреннего рассвета, тёплого, сливочно-персикового. В камине потрескивали дрова, и их живое тепло мягко окутывало комнату. На прикроватном столике — букет свежих ирисов в хрустальной вазе.

Я замерла, впитывая каждую деталь. Потом медленно села и огляделась.

— Ничего себе, — прошептала я. — Вот это размах у подсознания.

Любопытство пересилило желание нежиться в постели. Я спустила ноги на пушистый ковёр и пошла исследовать владения. За соседней дверью обнаружилась ванная комната. Огромная купель, будто выдолбленная в цельном камне, раковина, похожая на произведение искусства, и унитаз. Я усмехнулась.

— Ну да, даже во сне я не могу отказать себе в удобствах.

Я подошла к зеркалу, чтобы умыться, и застыла. На меня смотрела не я.

Не я!!! Совсем не я!!!

Из зеркала глядела юная девушка с огромными голубыми глазами, полными какой-то затаённой печали. Светлые волосы были заплетены в тугую косу, из которой выбились несколько прядей. Лицо — нежное, тонкое, с почти прозрачной кожей, сквозь которую просвечивали голубые прожилки на висках. Хрупкое, как фарфоровая статуэтка. Я подняла руку — отражение повторило жест. Я коснулась щеки — и почувствовала прохладную гладкость чужой кожи.

— Да ладно, — выдохнула я.

Я всегда хотела похудеть. Мечтала ловить на себе восхищённые взгляды, а не сочувственные. Но никогда, никогда я не представляла себя настолько хрупкой. В этом теле было что-то болезненно-прекрасное, как в героинях старых баллад — красота, от которой щемило сердце. Любопытство разгоралось. Я сняла с себя тонкую сорочку и вышла обратно в спальню, где стояло большое напольное зеркало. Теперь оно интересовало меня куда больше, чем ванная. Я

встала перед ним и замерла. Фигура была безупречной — правильные пропорции, ни капли лишнего жира на животе, грудь изящная, второго размера. У меня в реальности была уверенная тройка, а здесь — что-то девичье, трогательное. Я повернулась, разглядывая бёдра, и сама себе улыбнулась: они были именно такими, о каких я тайно мечтала.

— Интересно, — пробормотала я, продолжая рассматривать отражение, — если бы муж увидел меня такой, что бы он сказал?

Я тут же одёрнула себя. Муж? Стоп! Стоп! Стоп! Какое, к дракону, имеет значение мой муж, если это — мой сон? Он создан для сказки... Для побега... Для того, чтобы хоть на пару часов почувствовать себя желанной, а не просто женой, которую не замечают.

В этот момент раздался стук в дверь. Я вздрогнула, заметалась по комнате, не зная, куда деться в таком виде, но прежде чем успела что-то придумать, дверь отворилась, и в комнату вошла девушка лет двадцати. Тёмно-коричневое платье, белый передник. Служанка, я уверена! Я нырнула под одеяло быстрее, чем, кажется, дышала. Ткань взметнулась и опустилась, накрывая меня почти с головой. Оставалось только перевернуться и сделать вид, что всё идёт по плану.

— Госпожа! — воскликнула девушка, всплеснув руками. — Вы проснулись! Слава богам! Мы все так за вас боялись.

Она затараторила, и из её быстрой, сбивчивой речи я узнала, что «госпожа Эвелина» месяц назад потеряла сознание и не приходила в себя. Ваш отец, сказала она, места себе не находил, лично ездил за врачами. Имперский врач навещал вас каждый день, но, как и остальные, лишь разводил руками.

Я слушала и чувствовала, как внутри разрастается тревога. Какая-то болезнь? При чём тут отец? Мой сон должен был начаться в спальне идеального мужчины, а не в чужом больном теле с чужими проблемами. Я так глубоко ушла в свои мысли, что не заметила, как дверь открылась снова.

В комнату вошёл мужчина. На вид ему было около сорока пяти. Высокий, широкоплечий, с благородной осанкой и светлыми волосами, в которых серебрилась ранняя седина. Лицо — волевое, с резкими чертами, но измождённое: под глазами залегли тёмные круги, на подбородке — тень щетины. Одет дорого, но так, будто вещи не снимали уже несколько дней.

Увидев, что я смотрю на него из-под одеяла, он стремительно пересёк комнату, опустился на край кровати и сгрёб меня в объятия. Сильные руки сжали так, что стало почти больно, и я почувствовала, как дрожат его плечи.

— Доченька, — выдохнул он, и голос его сорвался. — Я чуть не сошёл с ума. Думал, моя жизнь окончена. Как ты? Где болит? Я сейчас же вызову врачей. Как я счастлив.

Он отодвинулся, заглядывая мне в лицо с такой мучительной надеждой, что у меня защемило где-то под рёбрами, но я не могла молчать.

— Почему вы зовёте меня дочерью? — спросила я. — И что вообще происходит?

Его руки ослабли. Он замер, всё ещё глядя на меня, и я увидела, как расширяются его зрачки — медленно, будто до него доходил смысл моих слов. Сначала — непонимание, затем — ужас.

— Ты ничего не помнишь, Эвелина?

Он говорил осторожно, словно ступал по льду и я — «чужая душа в чужом теле» — сидела перед ним и молчала, потому что объяснить правду было невозможно.

— Месяц назад, — продолжил он глухо, — ты поехала выбирать платье к знакомству с будущим супругом и упала без чувств прямо в лавке. Никто не понял, что случилось. Я перевозил тебя, вызывал лучших врачей. Все говорили одно и то же: не знаем, не понимаем, хворь неизвестна.

Он сжал мои руки в своих, и я почувствовала, какие они тёплые и сухие.

— Мы почти отчаялись, но пару дней назад пришла ведьма из Голвуна. Мы гнали её прочь, а она настаивала, кричала, что должна увидеть тебя, чтобы спасти. Я я разрешил. Она водила над тобой руками, бормотала что-то себе под нос, и я уже хотел вышвырнуть её, как вдруг заметил — на твоём лице появился румянец. Она сказала, что хворь отступит и ты вернёшься. Пообещала прийти позже и ушла, а спустя два дня ты открыла глаза.

Он замолчал, тяжело дыша, будто пробежал целую милю. Потом наклонился и поцеловал меня в лоб — нежно, бережно, по-отцовски.

— Верта поможет тебе принять ванну и принесёт поесть, а я — за лекарями. Нужно срочно выяснить, что с твоей памятью.

Он поднялся и вышел, оставив после себя запах сандалового дерева и тревоги. Я сидела в постели, прижимая одеяло к груди, и пыталась собрать мысли, разбегающиеся, как испуганные мыши.

Что это за сон? Почему он не кончается? И кто я теперь — Эвелина, дочь незнакомца с измученными глазами?

За окном всё так же светило солнце, но комната уже не казалась декорацией к любовному роману. В ней поселилась настоящая, живая, пугающая тайна.

Глава 2. Ольза

Старая Ольза перебирала травы.

Пучки сушёной мяты, зверобоя и горного тимьяна лежали на деревянном столе, источая горьковато-сладкий аромат. Её пальцы, скрюченные возрастом, двигались медленно, но уверенно — они помнили каждую травинку, каждый листок, каждый корешок. За долгую жизнь она собрала больше знаний, чем любой городской лекарь, и больше секретов, чем иная придворная колдунья, но в последнее время этого стало не хватать.

Хворь шла по землям густо, как туман с болот. Люди приходили к ней всё чаще — из соседних деревень, из дальних городков, даже из-за перевала присылали гонцов. Отвары, настои, мази — она варила их день и ночь, но руки уже не успевали. Ноги, раньше без усталости носившие её по склонам за редкими травами, теперь ныли к непогоде, а главное — она была одна.

Всю жизнь одна...

Когда-то, в молодости, она ещё мечтала встретить своего человека. Того, кто будет ждать вечерами у очага, кто спросит, как прошёл день, кто возьмёт на себя хоть малую толику груза, но годы шли, мужчины не находилось, а несколько лет назад умерла мать — последняя, с кем Ольза делила кров и ремесло. С тех пор в хижине на краю леса было тихо.

— Ну что ж, — вздохнула она, откладывая пучок ромашки. — Значит, такая судьба.

И в этот миг в избе стало светлее.

Не так, как бывает, когда солнце выходит из-за тучи, — нет. Свет заструился прямо из воздуха, мягкий, золотистый, переливающийся, будто тысячи пылинок затанцевали в луче. Ольза подняла голову, и её сердце пропустило удар. Из света проступила фигура. Женская... Высокая... Трёхликая...

Одна голова смотрела на неё глазами юной девы, вторая — ликом зрелой женщины, третья — морщинистым лицом старухи. Триликакая... Богиня, которую не призывают всуе. Богиня, которая не является простым смертным.

Ольза медленно опустилась на колени.

— Чем я, недостойная, заслужила твоё внимание, Триликакая? — прошептала она пересохшими губами.

Голос богини прозвучал сразу отовсюду — и внутри головы, и снаружи, и словно бы в самом сердце:

— Ты должна помочь Эвелине. Скоро она придёт в этот мир. Она станет спасением. Иди в особняк Вересов и заставь впустить тебя. Поддержи её энергией. Помоги закрепиться.

Свет погас. Триликакая исчезла, оставив после себя лишь дрожащий воздух и запах озона. Ольза ещё долго стояла на коленях, глядя в пустоту.

— С какой стати? — прошептала она наконец, и в голосе её поднималось раздражение пополам с обидой. — С какой стати Триликакая пришла именно ко мне? Почему я должна кому-то помогать?

Она тяжело поднялась, опираясь на стол. Травы под рукой пахли сиротливо и горько.

— Пока я буду бегать по чужим особнякам, никто не соберёт травы. Никто не сварит отвары. Никто не поможет людям, которые уже сегодня придут за лекарством, а богине, видите ли, понадобилась старая ведьма!

Она ещё долго бубнила себе под нос, собирая корзину и кутаясь в тёплый плащ. Но спорить с богиней было нельзя. Ольза это знала. Знала с тех самых пор, как мать впервые рассказала ей о Триликой — о той, что видит прошлое, настоящее и будущее, что плетёт судьбы, как пряжу, и никогда не является без причины. Если богиня сказала «иди» — нужно идти.

Она вышла из хижины и зашагала по лесной тропе в сторону особняка Вересов.

У ворот было тихо. Двое стражников мерно обходили территорию, не обращая на сгорбленную старуху с корзиной никакого внимания. Чуть поодаль конюх расчёсывал шикарную гнедую лошадь — та стояла смиренно, лишь изредка всхрапывая и перебирая ногами. Ольза проводила её долгим взглядом. Лошадей она всегда любила больше, чем людей.

Подойдя к парадной двери, она уже собиралась подняться по ступеням, как створки распахнулись сами. На пороге стоял Олаф Верес. Глава рода. Отец Эвелины.

Высокий, широкоплечий, но осунувшийся. Светлые волосы не причёсаны, под глазами — глубокие тени, и весь он выглядел так, словно не спал уже несколько суток. Увидев Ользу, он нахмурился, и его лицо, обычно приветливое (так о нём говорили), стало жёстким.

— Что тебе нужно, ведьма? — спросил он без предисловий. — Сейчас не время для прошений.

— Знаю, Олаф. — Голос Ользы был спокоен, как лесное озеро. — Но я пришла не по своей нужде. Я пришла ради твоей дочери. Позволь мне увидеть её. Позволь помочь.

Он усмехнулся — невесело, с горечью.

— Неуместная шутка. Здесь побывали лучшие лекари империи. Все до одного. Ни один не понял, что с моей девочкой, а теперь приходишь ты — старая травница из лесной хижины, — и думаешь, что спасёшь её? Ты себе-то помочь не можешь, Ольза. Посмотри на свои руки.

Она посмотрела. Старые, узловатые, с тёмными пятнами. Но они не дрожали.

— Ты ничего не потеряешь, если дашь мне несколько минут, — сказала она тихо. — Я не причиню ей вреда. И ты знаешь, Олаф Верес: мне некуда бежать. Если бы я хотела навредить, я бы не стояла сейчас у твоего порога.

Олаф молчал. Ользу знали многие. Её мать знали, и бабушку знали — из поколения в поколение женщины их рода лечили людей травами и зельями. Магией они не блистали, великих чар не творили, но ни разу за три поколения ни один человек не ушёл от них с проклятием. Хижину на краю леса обходили стороной только глупцы — остальные приходили за помощью. «Ведьмой» Ользу прозвали не за колдовство, а за то, что жила одна, в глуши, и не искала общества.

Наконец Олаф кивнул и посторонился.

— Хорошо. Идём.

Комната Эвелины тонула в полумраке. Шторы были задёрнуты, камин едва теплился, воздух пах лекарствами и увядшими цветами. Ольза медленно подошла к кровати.

Девушка лежала как мёртвая. Бледная до синевы, с запёкшимися губами и тонкими, почти прозрачными веками. Грудь едва вздымалась. Ольза долго смотрела на неё, потом перевела взгляд — особый взгляд, которому учила ещё мать, — и увидела.

Зерно души.

Маленькое, светящееся семечко, посаженное прямо в сердцевину тела. Оно лежало там, свёрнутое, дремлющее, но живое. Ольза никогда такого не видела. Душа не прорастала в тело — она словно ждала чего-то или кого-то.

— Вот, значит, как, — прошептала она. — Вот почему Триликая послала меня.

Она склонилась над девушкой, положила руки ей на грудь и лоб и начала читать. Не заклинание — старый, как сама земля, урожайный сговор. Тот самый, что напевала её мать над первыми весенними всходами. Тот, которым она сама заговаривала больные деревья в саду.

— Проснись, семя. Пусти корень. Тянись к свету...

Слова лились тихо, размеренно, как вода по камням. Слабые волны магии — всё, чем владела Ольза, — потекли с её пальцев. Она вливала в зерно силу, отдавала всё, что могла, без остатка и вдруг семечко дрогнуло. По его оболочке пробежала трещина — тонкая, как волос, — и оттуда брызнул свет.

Ольза выдохнула. Этого она и ждала. Росток.

— Никогда такого не видела, — прошептала она, качая головой. — Теперь понятно, почему Триликая обратилась именно ко мне.

Она знала, как растить живое. Знала, как выхаживать больные побеги, как пробуждать спящие семена, как заставлять цвести то, что уже почти погибло. И сейчас это знание пригодилось там, где имперские лекари оказались бессильны.

Она выпрямилась, переводя дыхание, и повернулась к Олафу, который всё это время стоял в дверях, сжимая дверной косяк.

— Жди, — сказала она ему. — Скоро твоя дочь вернётся. Но какой она будет... — Ольза помолчала, глядя на бледное лицо девушки, — этого я не знаю.

Она не сказала ему правды. Той правды, что зерно души — не душа Эвелины. Что там, внутри, прорастает кто-то другой. Чужой гость из иного мира и кем он окажется, не ведала даже Триликая, а может и ведала...

Ольза попрощалась и покинула особняк Вересов. За спиной скрипнула тяжёлая дверь. Впереди лежала дорога через лес, а в груди теплилась надежда, которой она не чувствовала уже много лет.

Если эта неизвестная девчонка действительно спасёт людей от хвори — значит, старая ведьма прожила жизнь не зря.

Глава 3. Семя перемен

После ухода Ользы в комнате воцарилась тишина — та особенная, глубокая тишина, какая бывает только в домах, где долго болеют. Олаф ещё немного постоял у кровати дочери, глядя на её бледное лицо, на котором после визита ведьмы словно бы прибавилось красок. Он поправил одеяло, наклонился и поцеловал Эвелину в лоб — нежно, бережно, как целовал её в детстве, когда она засыпала у него на руках.

— Сладких снов, моя девочка, — прошептал он. — Возвращайся ко мне, я тебя очень жду.

Он вышел, бесшумно притворив за собой дверь. Свечи в коридоре догорали, и Олаф побрёл в свой кабинет — спать он всё равно не мог, так хоть разобрать накопившиеся бумаги.

Эвелина осталась одна...

За окном сгущалась ночь. Луна, полная и серебряная, медленно плыла над особняком, заливая комнату призрачным светом, но был в этой комнате и другой свет — тот, что шёл не с неба.

Внутри тела девушки, там, где Ольза увидела крошечное семя души, начало происходить нечто удивительное. Семя шевелилось. Медленно, как просыпающийся после зимней спячки росток, оно набухало, наливалось силой и вдруг выпустило первый лист.

Это было похоже на маленькое чудо. Крошечный зелёный листок, сотканный из чистого света, развернулся внутри спящей девушки и засиял — мягко, нежно, словно утренняя роса, в которой отразилось солнце. Свечение было неярким, но оно наполнило комнату, и тени в углах отступили.

В это самое время — там, в другом мире, в реальном мире, — другая Эвелина, та, что жила в четырёх стенах и мечтала о драконах, ворочалась в своей постели. Ей снился странный сон — будто она падает, но не в пустоту, а в мягкий, тёплый свет. Будто кто-то держит её за руку и шепчет: «Всё будет хорошо. Ты нужна здесь». Она не знала, кто это. Не знала, где это «здесь», но сон был таким уютным, таким манящим, что она не хотела просыпаться.

Именно в этот момент — на границе между сном и явью, между одним миром и другим — и произошёл переход.

Эвелина из реального мира, сама того не ведая, проскользнула сквозь щель, которую открыла для неё старая ведьма своим сговором. Её сознание, её душа, её суть — всё это медленно, плавно, как вода в песок, впиталось в тело той, другой Эвелины и впиталось накрепко.

Так, из желания пофантазировать и незаметно для себя уснуть, Эвелина покинула привычный мир и перешла в совершенно неизвестный. Мир под названием Альтаир.

Избегая проблем жизни — найти новые, куда более весомые. Что ж, сон определённо удался.

К рассвету семя души имело уже пять листов. Пять сияющих, полупрозрачных листов, которые колыхались внутри тела девушки, словно под дуновением невидимого ветра. Они пульсировали в такт её сердцу, наполняя тело новой силой, новой жизнью, новой душой. Девушка дышала ровно, спокойно, и лицо её стремительно теряло серость. Щёки порозовели, губы увлажнились, и даже волосы, разметавшиеся по подушке, будто бы заблестели ярче. Она всё ещё спала, но это был уже не сон болезни. Это был сон возрождения.

Где-то далеко, за сотни миль от особняка Вересов, в самом сердце драконьих земель, раскинулась величественная Каннатана — столица Империи Драконов. Её башни из чёрного обсидиана и белого мрамора вздымались к небу, а над ними, разрезая облака, то и дело пролетали крылатые стражи. Город никогда не спал, но в этот предрассветный час даже он был непривычно тих.

В императорском дворце, в одном из высоких кабинетов восточного крыла, генерал Тристан Фон Дерил наконец-то позволил себе выдохнуть.

После долгих часов совещаний, после утомительных докладов императору, после бесконечных карт, схем и сводок с полей — он остался один. Снял парадный мундир, оставшись в простой чёрной рубашке, и устало потянулся. Мышцы ныли — сказались три дня почти без сна.

Тристан Фон Дерил был младшим братом императора, но никогда не стремился к трону. Власть его не интересовала. С юных лет он выбрал меч, а не корону, и всю жизнь честно служил старшему брату — не из страха, а из любви и уважения. Император правил. Тристан защищал. Так было заведено, так было правильно.

В последнее время работы прибавилось. Отношения с Эльфами обострились до предела. Эти остроухие стратеги, умные, расчётливые и дьявольски терпеливые, уже много лет точили зубы на земли драконов, а точнее — на энергетическое озеро Аэларис, испокон веков принадлежавшее Империи. Озеро было источником древней магии, и эльфы, жадные до всего, что можно использовать, не могли смириться с тем, что оно им не принадлежит. Дипломатия трещала по швам. Конфликт то затухал, то разгорался с новой силой, и Тристан проводил на полях сражений больше времени, чем в собственном доме.

Очередная атака эльфов была отбита. Его ребята справились блестяще — потери минимальные, линия обороны удержана. Приказы розданы. Доклад лёг на стол императору. Всё. На сегодня — всё.

Тристан устало потёр переносицу, открыл портал и шагнул в свой кабинет. Здесь, в тишине и полумраке, он мог наконец расслабиться. Налил себе бокал вина гномов — тёмного, терпкого, пахнущего дубом и дымом, — сел за рабочий стол. Тот был завален письмами. Почтовая коробка, зачарованная бесконечным заклинанием, продолжала выплевывать новые послания.

Он сделал глоток и принялся за работу. Письма, прошения, доклады, приглашения, отчёты — он читал, отвечал, откладывал. Важные — в одну стопку. Несрочные — в другую. Откровенный бред — в камин. Через час основная гора была разобрана, и Тристан, захватив бокал, перебрался на диван у окна.

Откинув голову на спинку, он смотрел, как над башнями Каннатаны занимается серый рассвет, и думал. Мысли текли вяло, но всё о том же: как закончить этот проклятый конфликт с эльфами? Можно ли договориться миром? Или придётся снова бросать войска в бой? Он сделал ещё глоток, поднёс бокал к губам в очередной раз — и вдруг резкая, обжигающая боль пронзила руку.

Бокал выпал из пальцев и разбился о пол. Тёмное вино растеклось по каменным плитам.

Тристан перевёл взгляд на руку — и замер.

На тыльной стороне его ладони, прямо на загорелой коже, сиял зелёный лист. Сначала ему показалось, что это просто блик или игра света. Но лист не исчезал. Он пульсировал мягким, изумрудным сиянием, словно был живым. Словно он рос изнутри.

Дракон внутри Тристана проснулся мгновенно. Зверь заворочался, завозился, глухо зарычал — не угрожающе, а скорее взволнованно, будто почуял что-то важное и теперь рвался туда, куда Тристан сам ещё не знал дороги.

— Тихо, — прошептал генерал, прижимая ладонь к груди, где бесновался его внутренний зверь. — Тихо, я сказал.

Но дракон не успокаивался. Он метался, бил хвостом, требовал действия, а лист на руке всё сиял — ровно, спокойно, неотвратимо.

Первая мысль была — хворь. Та самая, что последнее время расползлась по землям с быстротой ветра. Та, что вносила смуту в отношения между расами, заставляла всех искать

виноватых и плести заговоры. Неужели и он подхватил? На поле боя? Но он был в полной трансформации, его драконья шкура непробиваема для большинства зараз...

Не теряя ни минуты, Тристан поднялся, открыл портал и шагнул напрямик в покои императорского лекаря.

Старый Зигфрид, сухонький человечек с острыми глазами и вечной лукавой усмешкой, встретил его в халате и ночном колпаке. Он как раз заваривал себе утренний чай, когда посреди комнаты возник разъярённый, усталый генерал с протянутой рукой.

— Лекарь, — отрывисто бросил Тристан, — что это?

Зигфрид неторопливо поставил чайник, поправил очки на носу и склонился над рукой генерала. Долго смотрел. Щурился. Хмыкал. Потом выпрямился, и его губы растянулись в совершенно невозмутимой, лукавой улыбке.

— Поздравляю, — сказал он, возвращаясь к своему чайнику, — вы подхватили ту самую хворь, генерал. Самую тяжёлую и самую неизлечимую.

Тристан побледнел.

— Неизлечимую? — его голос прозвучал глухо.

— Абсолютно, — Зигфрид с наслаждением отхлебнул чаю. — Лечения не требуется. Природа заболевания такова, что лекарства бессильны, да они и не нужны. Впрочем, детали вам придётся узнать позже и самому, а если не сможете разобраться — что ж, найдутся те, кто вам поможет, но пока...

Он сделал ещё глоток.

— Пока рано.

Тристан стоял посреди комнаты, всё ещё держа руку на весу, и чувствовал, как внутри него поднимается волна глухого раздражения пополам с тревогой. Что за загадки? Что за «хворь»? И почему этот старый плут улыбается так, будто знает что-то, чего не говорит?

Зелёный лист на руке тихо погас, оставив после себя лишь едва заметный, тёплый след — словно поцелуй света.

Дракон внутри него затих, но не уснул. Он ждал.

Глава 4. Сон ли это?

Пока я пыталась собрать разбегающиеся мысли в хоть какое-то подобие стройной картины, Верта времени не теряла. Она уже наполнила ванну — и, судя по облакам ароматного пара, постаралась на совесть.

— Госпожа, прошу, — она помогла мне подняться с постели. Ноги всё ещё были ватными после долгого сна, и я с благодарностью оперлась на её руку. — Горячая вода и травяной сбор. Лекарь говорил, это помогает восстановить силы.

Я погрузилась в воду, и блаженный вздох вырвался сам собой. Горячая вода пахла лавандой, мятой и чем-то ещё — терпким, хвойным, словно в ванну добавили настойку из целого леса. Тепло окутало тело, проникая в каждую мышцу, в каждую косточку, и напряжение последних часов — хотя каких часов? я же только проснулась в этом мире! — начало потихоньку отпускать.

Верта тем временем заботливо намыливала мне голову. Её пальцы мягко массировали кожу, и я чуть не замурлыкала. В такой обстановке думать о проблемах совершенно не хотелось, но проблема была во мне самой: я ничего не знала. Ни об этом мире, ни об этом теле, ни о девушке, в чью жизнь меня занесло и единственный способ разобраться сейчас заботливо втирал мне в волосы ароматную пену.

— Верта, — начала я осторожно, — я, кажется, из-за болезни потеряла память. Расскажи мне всё, что знаешь. Про меня, про семью, про всё. Может быть, это поможет мне вспомнить.

Служанка на мгновение замерла, потом продолжила своё занятие. Её голос зазвучал мягко, убаюкивающе, словно она рассказывала сказку на ночь.

— Вас зовут Эвелина Велес, госпожа. Вам двадцать лет. Вы — единственная дочь вашего отца, Олафа Велеса, министра финансов Империи. Мы находимся в городе Инвертан, это совсем недалеко от Каннатаны, столицы драконьих земель. Ваш отец — верный дракон на службе Императора. — Она говорила размеренно, и каждое слово падало в тишину ванной комнаты, как камешек в воду. — Ваша матушка, к несчастью, умерла при родах. Господин Олаф воспитывал вас сам — с помощью нянечек, когда вы были крохой, а позже нанимал вам лучших учителей.

Я слушала, замерев. Значит, у этого тела нет матери. Только отец, который, судя по всему, души в дочери не чает.

— Господин Олаф решил, что вы достигли брачного возраста, — продолжала Верта. — Он подобрал вам партию. Планировалось знакомство с выбранным для вас женихом, но по неизвестным причинам вы потеряли сознание прямо в день примерки платья. Встречу отложили до вашего выздоровления.

Я мысленно усмехнулась. Ага. Значит, всё-таки сон. Романтический сон о красивом незнакомце, которого прочат мне в мужа и скоро я смогу его увидеть. Настроение поползло вверх. Я же этого и хотела — красивую сказку, героя, волшебство. Остальные подробности меня сейчас не волновали. Главное — встреча.

Но один вопрос всё же не давал мне покоя.

— Верта, — я чуть повернула голову, — а я тоже дракон? Я умею летать?

Верта вздохнула. В этом вздохе была печаль.

— Видимо, вы и правда ничего не помните, госпожа. Нет. Вы не дракон. Летать вы не умеете. Ваша матушка была из земель обычных людей. Когда ваш отец летал на обсуждение финансовой помощи людским королевствам, он встретил её. Это была любовь с первого взгляда. Ваши родители были очень счастливы, но жизнь вашей матери оборвалась слишком быстро, а господин Олаф нашёл утешение в вас. Когда стало известно, что она беременна, все ждали дракона, но уже на раннем сроке лекари определили: вы — человек.

Что-то внутри меня неприятно кольнуло. Я хотела дракона. Хотела сама быть драконом — ну, или хотя бы летать. А тут — человек. Простой человек в мире, где, кажется, все вокруг — крылатые.

— Но постой, — нахмурилась я. — Если драконы делятся своей жизнью с парой, почему моя мать умерла? Она же могла бы прожить долгую жизнь рядом с отцом.

Верта мягко улыбнулась, но глаза её остались грустными.

— Жизнь дракона делится только с истинной парой. Ваша матушка, при всём уважении, таковой не являлась. Поэтому вы и родились человеком.

Я замолчала. Истинная пара. Это что-то из тех самых романов, которые я читала запоем, но там всё обычно заканчивается хорошо, а здесь — нет. Здесь мать Эвелины умерла, а отец остался один с дочерью-человеком и теперь эту дочь-человека выдают замуж.

— А что с моим женихом? — спросила я, мысленно возвращаясь к тому, что волновало меня куда больше. — Кто он?

Верта оживилась, словно ждала этого вопроса.

— Недавно Император провёл переговоры с Императрицей Дроу. Та изъявила желание выдать своего брата за человека — в знак дружбы и укрепления отношений между расами. Император вспомнил про вас и про вашего отца. Предложил выгодную партию. После встречи и обсуждения деталей стало ясно, что ваш брак будет полезен не только людям, но и драконам. Поэтому, как только вы полностью поправитесь, и лекарь Дроу подтвердит, что ваше здоровье позволяет вам вступить в брак, вы сможете познакомиться с женихом.

Я моргнула. Потом ещё раз.

— Подожди. Дроу?

— Да, госпожа.

— Не дракон? Дроу? Тёмные эльфы?

— Да, госпожа. Брат Императрицы Дроу — эльф.

Вода в ванне вдруг показалась мне не такой уж и тёплой. Я хотела дракона. Я мечтала о драконе. А выходило, что моя собственная фантазия — вернее, реальность этого мира — подсунула мне эльфа. Остроухого, бледного, с тёмными глазами и, наверное, с характером ещё хуже, чем у дракона.

— Замечательно, — пробормотала я. — Просто замечательно.

И вроде бы история складывалась так, как должна складываться сказка: богатый особняк, любящий отец, выгодный брак, но почему-то вместо восторга я чувствовала смутную тревогу. Дроу, не дракон. Человек, не магическое существо. Что-то тут не сходилось, но может быть, это всего лишь нервы после перехода?

После ванны и плотного завтрака — Верта принесла столько еды, что хватило бы на троих, и я, удивительно голодная, смела почти всё — мы вышли в сад. Он оказался именно таким, каким я его представляла в своих романах: аккуратные аллеи, клумбы с поздними осенними цветами, фонтан с каменными рыбами, из пастей которых струилась вода. Верта ходила за мной тенью и мягко подсказывала то, чего я не знала: вот это — любимая скамейка господи, здесь отец читал вам сказки в детстве, вон за той дверью — оранжерея, куда вы любите ходить в дождливые дни.

Я впитывала всё, как губка.

Когда к полудню вернулся отец, с ним был лекарь. Дроу. Я сразу это поняла — по плавным, текучим движениям, по бледной коже с лёгким серебристым отливом, по острым, но не уродливым ушам, которые выглядывали из-под длинных волос цвета воронова крыла. Он был красив той холодной, отстранённой красотой, от которой мурашки бегут по спине.

Мы поднялись в мою комнату. Лекарь Дроу осмотрел меня с профессиональной дотошностью: заглянул в глаза, послушал дыхание, проверил пульс на запястьях. А потом замер. Его взгляд упёрся в область моего солнечного сплетения, и он уставился туда так пристально, что

мне стало не по себе. Он словно видел что-то, скрытое от обычных глаз. Что-то, что его одновременно удивляло и настораживало.

— Что-то не так? — спросила я, не выдержав этой паузы.

Он вздрогнул — едва заметно, словно выходя из транса, — и покачал головой. Лицо его снова стало непроницаемым.

— Ничего, госпожа. Вы абсолютно здорова. Память, скорее всего, вернётся со временем.

Он повернулся к моему отцу и повторил то же самое — сухо, официально, без лишних подробностей. Олаф заметно расслабился. Лекарь поклонился и покинул покои, оставив после себя лёгкий запах цитрусовых и недосказанность.

Я проводила его взглядом. Он видел что-то. Я не знала, что именно, но внутри меня крепло убеждение: он видел то самое, о чём говорила ведьма. Семя души. Мою душу в чужом теле и это ему не понравилось, или понравилось...

Отец подошёл ко мне, взял за руки и заглянул в глаза.

— Ну что ж, — сказал он, и в его голосе прозвучала надежда, смешанная с усталостью. — Если лекарь говорит, что ты здорова, — значит, скоро мы сможем устроить встречу с твоим женихом. Я так ждал этого, девочка.

Я улыбнулась ему. Потому что «любить» отца этого тела было легко — он излучал заботу, как камин излучает тепло.

Но внутри меня что-то сжалось. Жизнь в этом мире брала новые обороты и я чувствовала: дальше будет только интереснее.

Глава 5. Тристан

Я вернулся в кабинет, но слова лекаря не выходили из головы. Они засели в ней, как заноза под кожей — не болит, пока не заденешь, но забыть невозможно.

«Хворь А лечить не надо Скоро пойму сам»

Что за чушь? Что он себе позволял, этот старый плут с чайником? Загадки, улыбочки, «поздравляю, генерал» Я снова посмотрел на тыльную сторону ладони, где ещё недавно сиял зелёный лист. Сейчас кожа была чистой, но ощущение тепла — нет, не тепла, а присутствия — осталось. Слово лист никуда не исчез, а лишь спрятался глубже, под кожу, под мышцы, в самую суть.

Дракон внутри ворочался. Он тоже ничего не понимал, но, в отличие от меня, не злился. Он ждал и это спокойное, уверенное ожидание бесило меня больше всего.

Я заставил себя сесть за стол. Отправил ещё несколько писем на границу с эльфийскими землями — приказы, распоряжения, сводки. Пальцы двигались механически, но мысли были далеко. Наконец, когда строчки начали расплываться перед глазами, я сдался. Спать. Остальное — завтра.

Всю ночь я был словно в бреду...

Мне снились странные люди в странных одеждах — не наша мода, не эльфийская, не гномья. Они ходили вокруг меня, разговаривали, смеялись, и я отвечал им так, словно знал их всю жизнь. Потом сон перепрыгивал — и я видел себя, обнимающего девушку. Она поднимала на меня глаза и улыбалась и от этой улыбки внутри разливалось такое счастье, какого я не испытывал никогда. Вся гамма — от нежности до желания, от тихой радости до жадного, обжигающего голода.

Мы целовались. Я не мог оторваться от её сладких губ, словно путник, нашедший ручей с ледяной водой после долгого пути через пустыню. Она отвечала мне с той же жадностью, прижималась ближе, и её запах — свежий, как воздух после грозы, когда молния только что расколола небо, — сводил меня с ума. Я не мог надыхаться. Горячая. Живая. Моя.

Утром я проснулся злой и голодный. Голодный — не до еды. Голодный до неё.

Кто она? Это моё будущее? Или просто сон воспалённого разума?

Я быстро умылся ледяной водой, чтобы привести мысли в порядок, оделся и через портал шагнул обратно на границу. Там, на форте, всё было по-прежнему: солдаты на стенах, дозорные в небе, напряжённая тишина передышки. Все были наготове и ждали новых выпадов от эльфов. Я прошёл на балкон форта, вдохнул холодный ветер и взмыл в небо. Драконья форма пришла быстро, привычно, и я сделал широкий круг над территорией, проверяя посты. Ветер выдувал из головы остатки сна, но её запах всё ещё стоял в ноздрах. Воздух после грозы...

Когда я вернулся в форт, меня ждало послание от эльфов. Предлагали аудиенцию. Перемирие. Условия будут озвучены при встрече. Я усмехнулся: они поняли, что последнюю атаку мы отразили с сокрушительным перевесом, и теперь хотят договориться. Взял паузу в три дня — нужно согласовать позицию с братом. Назначили сроки. Назначили место.

Телепортом я перенёсся во дворец. Император — мой старший брат — выслушал доклад, кивнул. Мы обсудили детали. Я уже собирался уходить, когда он остановил меня у самой двери.

— Да, кстати. На следующей неделе в столицу прибывает Императрица Дроу с братом. Олаф Велес дал согласие на брак своей дочери. Помнишь Эвелину? Она была совсем крошкой, когда ты в последний раз появлялся на приёмах.

Эвелина? Я напряг память... Смутно... Детский смех, белое платье, кудрявые волосы. Маленький ангелочек, который бегал среди детворы во дворце, пока Олаф решал финансовые вопросы с Императором. И всё... Больше я её не видел.

— Пусть будут счастливы, — сказал я и открыл портал. Остаток дня я провёл в своём кабинете. Три дня передышки — роскошь, которую я не мог себе позволить уже много месяцев. Можно разобрать накопившиеся дела. Можно проверить библиотеку — вдруг там найдётся что-то о зелёном листе на руке. Можно, наконец, отдохнуть. Но сначала — ванна. Спальня. Подушка. Принял ванну, лёг в кровать, закрыл глаза — и снова увидел её. Горячая девушка. Запах грозы. Сладкие губы. Кто же ты? Провалился в сон, а там — снова обрывки. Мы гуляем в парке, которого я никогда не видел: странные деревья, странные дорожки, странные скамейки. Мы едем в какой-то грохочущей технике, которая движется без лошадей и без магии. Мы разговариваем, и я не помню слов, но помню смех — её смех, от которого у меня теплеет в груди. Объятия. Поцелуи и ночи... Каждая ночь — как пожар. Иногда она исчезает надолго, и тогда каждая новая встреча сжигает нас дотла. Её тело Я касаюсь её, ласкаю, и у меня сносит крышу. Она мягкая, податливая, и отвечает так, словно создана для меня одного. Я просыпался — и мечтал, чтобы это было будущим. Не сном. Не бредом, а тем, что ждёт меня впереди. Два дня я метался между желанной ночной негой и дневными делами. Днём искал в библиотеке хоть что-то о зелёном листе на коже — старые фолианты, трактаты по магической медицине, легенды о метках. Ничего. Брат тоже ничего не знал, только пожал плечами: «Если бы это было опасно, лекарь бы сказал. Подожди». Днём проверял границу, слал приказы, готовился к встрече с эльфами. А ночью возвращался к ней. День становился всё труднее. Я не мог дождаться темноты, чтобы снова закрыть глаза и увидеть её. Я ждал её... Ждал нас... На третий день, перед самой встречей с делегацией, я решил заглянуть к знакомому артефактору. Старый гном держал лавку на Рыночной улице, и у него всегда можно было найти что-то стоящее. Эльфы любят красивые жесты — подарок на переговорах не будет лишним. Через телепорт я вышел в центре рыночного квартала и зашагал по мостовой к знакомой вывеске. И тогда это случилось... Дракон взревел... Это был не просто рык — это был оглушительный, неконтролируемый рёв, который вырвался из самой глубины моего существа. Я физически ощутил, как он рвётся наружу, как когти скребут изнутри, как крылья требуют простора. Окружающие шарахнулись в стороны. Кто-то вскрикнул. Я стоял посреди улицы, сжимая кулаки, и пытался удерживать зверя, который внезапно обезумел. А потом я почувствовал запах... Воздух после грозы. Свежий, чистый, пронзительный. Тот самый. Я крутил головой, высматривая в толпе — где? кто? — но видел только чужие лица, испуганные и любопытные. Запах был свежим. Она только что была здесь. Дракон рвался, требовал — найти, схватить, утащить, сделать своей и больше никогда не отпускать. Я еле сдерживал его, еле удерживал человеческую форму. А потом я увидел... Из лавки сладостей выходила девушка. Она улыбалась, держа в руках маленький пакетик с засахаренными фруктами, и что-то говорила своей спутнице. Она выглядела иначе, чем во сне — моложе, тоньше, в другом платье, но запах с новой силой ударил мне в нос, и сомнений не осталось. Это была она. В несколько шагов я пересёк улицу и оказался прямо перед ней. — Кто вы? — спросил я, глядя в её растерянные глаза. Девушка резко замолчала. Улыбка сползла с её лица. Она подняла на меня взгляд — и я увидел, как в её глазах что-то мелькнуло. Узнавание? Страх? Я не знал. Я, должно быть, выглядел ужасно: огромный мужчина, бледный, с горящими глазами, едва сдерживающий дракона внутри. Спутница девушки испуганно отступила. А она сама становилась всё бледнее. Глаза начали затягиваться туманом — тем самым, какой бывает перед обмороком. Я пытался удержать дракона. Пытался найти ответы в её глазах, но они таяли, словно снег под весенним солнцем и я ничего не мог с этим поделать. Она начала оседать — и я поймал её прежде, чем она коснулась земли, когда подлетела её спутница.

Глава 6. Эвелина

Свыкаясь с мыслью, что мой сон пошёл не по тому сценарию, который я себе напридумывала, я сначала расстроилась. Дракон — такая красивая, мощная фантазия, а вместо него — Дроу. Тёмный эльф. Серая кожа, острые уши, бледные глаза, но потом я вспомнила романы. Те самые, где эльфы оказывались самыми нежными, самыми трепетными, самыми любящими мужчинами, каких только можно вообразить. Где они носили своих избранниц на руках, шептали им стихи на древних языках и смотрели так, словно вся жизнь заключается в одной-единственной женщине.

— Ладно, — пробормотала я, глядя на своё отражение в окне кареты. — Серая кожа и остренькие ушки — это вполне ничего. Главное, чтобы у нас всё было хорошо, а скоро всё равно зазвонит будильник и придётся идти на работу.

Интересно, кстати, как течёт время в этом сне? Может, здесь проходят дни, а там — всего пара часов? Я читала о таком. Хотя какая разница? Пока я здесь — нужно пользоваться моментом.

Первое время после моего пробуждения отец не отпускал меня дальше парка. Территория особняка была огромной, но даже самые красивые аллеи надоедают, если ходить по ним изо дня в день. Я понимала его: он боялся за моё здоровье. После месяца беспамьяства любой на его месте трясся бы над дочерью как над хрустальной вазой, но мне хотелось вырваться. Увидеть город. Почувствовать этот мир по-настоящему.

И вот, когда пришла весть о том, что делегация Дроу планирует прибыть на земли драконов для официального сватовства, моё заточение закончилось. Отец, сияющий и взволнованный одновременно, лично сообщил мне, что я могу ехать в столицу. Выбрать ткани, заказать платья, купить украшения — всё, что полагается будущей невесте. Я едва не захлопала в ладоши.

На улице стояла солнечная погода — та самая, когда свет льётся с неба золотым мёдом, а ветер пахнет осенними листьями и далёким дымом. Карета доставила нас с Вертой к рыночной площади, и я выпорхнула наружу, чувствуя себя птицей, выпущенной из клетки.

Сначала мы зашли к портнихе. Я ожидала увидеть что-то вроде ателье из моего мира, но это был настоящий дворец тканей. Рулоны шёлка, бархата, парчи громоздились до потолка, переливаясь всеми мыслимыми оттенками. Я выбрала платье для аудиенции у Императора — глубокого синего цвета, с серебряным шитьём по лифу, строгое, но элегантное. Потом — платье для самого сватовства: нежно-розовое, с кружевным воротником и жемчужной вышивкой, а потом я вошла во вкус и выбрала ещё несколько нарядов, которые планировала взять с собой, когда перееду к Дроу. В конце концов, жена брата Императрицы должна выглядеть достойно.

Потом был ювелирный. Там я зависла надолго. Серьги с сапфирами, тонкий браслет с гравировкой в виде виноградной лозы, кольцо с каплевидным бриллиантом. Я выбрала несколько украшений — сама не заметила, как потратила на это почти час. Верта терпеливо ждала, изредка подсказывая, что лучше подойдёт к тому или иному платью.

Когда мы вышли на улицу, мой живот громко напомнил о себе. Я рассмеялась, прижимая ладонь к животу, и тут же заметила вывеску напротив: кондитерская. Судьба!!!

Внутри пахло ванилью, корицей и свежей выпечкой. Я застыла у прилавка, и глаза разбежались. Пирожные, торты, засахаренные фрукты, какие-то воздушные шарики на палочках, корзиночки с кремом... Я не могла выбрать что-то одно. В итоге остановилась на пирожном, похожем на облачко — лёгком, воздушном, с кремовой начинкой, — и заказала кофе. Верта взяла только чай, от сладкого отказалась. Мы сидели как старые добрые подружки, болтали о пустяках, пили горячие напитки, и я чувствовала себя почти счастливой.

— Куда теперь? — спросила я, доедая последний кусочек облачка.

— Вы хотели зайти в лавку артефактов, госпожа.

— Точно!

Мы вышли из кондитерской, и я спросила Верту, в какую сторону идти. Только она открыла рот, чтобы ответить, как прямо передо мной возникла высокая фигура.

Молодой мужчина в чёрном камзоле с серебряным плетением по вороту. Широкие плечи, властная осанка, горящие глаза. Он двигался так стремительно, что я не успела даже испугаться, а потом над моим ухом раздалось гневное, низкое, утробное рычание — не человеческое, звериное:

— Кто вы?

Я замерла, уставившись на него во все глаза. Сердце бухнуло где-то в горле и провалилось в пятки. Кто этот человек? Что ему нужно? Я не могла вымолвить ни слова. Просто смотрела в его лицо — резкое, с твёрдой линией челюсти, с золотыми глазами и узкими зрачками, как у ящера, в которых плескалось что-то неконтролируемое, и пыталась понять, что происходит.

И тут — боль.

Острая, обжигающая боль вспыхнула в груди, словно кто-то ужалил меня прямо в сердце. Я вскрикнула. Боль потекла вниз, к левому плечу, спускаясь по руке до самого локтя, и мир перед глазами начал мутнеть. Я пыталась сфокусироваться на лице незнакомца, понять, что ему нужно, почему он смотрит на меня с такой яростью и таким... голодом? Но зрение предательски расплывалось.

В глазах стало темнеть, этот «зверь» подхватил меня, но Верта испуганно схватила меня за локоть и, извинившись перед гневным господином, буквально потащила прочь, к ожидающей карете. Я едва переставляла ноги. Голова кружилась, боль в руке то затихала, то вспыхивала с новой силой.

Уже на подъезде к особняку мне стало легче. Боль отступила, оставив после себя только слабость и странное ощущение тепла на коже, будто руку обернули чем-то горячим. Верта довела меня до покоев, помогла лечь и тут же убежала. Я закрыла глаза, пытаюсь отдышаться. Что это было? Кто он такой? И почему, когда он смотрел на меня, я почувствовала не только страх, но и что-то ещё — что-то, от чего моё сердце забилося быстрее?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.